

Научная статья

УДК 008, 130.2

doi: 10.17223/22220836/58/6

О «СОСТОЯНИЯХ» КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ ПРОГРАММ (АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ)

Дмитрий Игоревич Иванов

Сианьский нефтяной университет, Сиань, Кунтай, Ivan610@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается смена «состояний» культуры в контексте современных представлений и авторской теории когнитивно-прагматических программ (КПП). Смена «состояний» культуры и трансформация образующих их модальностей реализуется в рамках целостной системы («сознание культуры» – «сознание субъекта»), актуализированной одновременно в двух ракурсах: 1) «сознание культуры в сознании субъекта»; 2) «сознание субъекта в сознании культуры». Возможны два варианта «статусных диспозиций»: 1) если доминирующим компонентом является «сознание культуры», то она находится в состоянии «modern»; 2) если доминирующим компонентом является «сознание субъекта», то продуцируется состояние «postmodern».

Ключевые слова: когнитивно-прагматическая программа (КПП), модальность состояния культуры, модернизм, логоцентризм, постмодернизм, ризома, метанарратив, «сознание культуры», «сознание субъекта», метасубъектность

Для цитирования: Иванов Д.И. О «состояниях» культуры в контексте теории когнитивно-прагматических программ (актуализация проблемы) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2025. № 58. С. 53–63. doi: 10.17223/22220836/58/6

Original article

ABOUT CULTURE “STATES” IN THE CONTEXT OF THE COGNITIVE-PRAGMATIC PROGRAMS THEORY (PROBLEM UPDATE)

Dmitry I. Ivanov

Xi'an Shiyou University, Xi'an, China, Ivan610@yandex.ru

Abstract. The article considers the change of culture “states” in the context of modern ideas about it and the author’s theory of cognitive-pragmatic programs.

It is correct to speak not about the successive transition of culture from one state to another, but about the change in the cognitive-mental valence of each modality of the culture state, embodied within the framework of a single state “modern – postmodern”. Three basic forms can be distinguished that differ in this valence: 1) modernism is the dominant modality, postmodernism is an intentionally present modality; 2) reverse picture; 3) transitional (modernism and postmodernism – conditionally dominant-peripheral modality), when the status of both modalities is not regulated. The change in the “states” of culture and the transformation of the modalities that form them are realized within the framework of an integral system (“consciousness of culture” – “consciousness of the subject”), updated simultaneously in two perspectives: 1) “consciousness of culture in the mind of the subject”; 2) “the consciousness of the subject in the consciousness of culture.” There are two options for “status dispositions”: 1) if the dominant component is “consciousness of culture”, then it is in a state of “modern”; 2) if the dominant component is the “consciousness of the subject”, then the “postmodern” state is produced.

The cognitive-mental mechanism that ensures uninterrupted “constructive-destructive” functioning and coordination of the qualitative features of the transition of systems from one “state” to another is the CPP (cognitive-pragmatic program). As from CPP the stage model of the cyclic development of culture takes the following form: 1) the system of logocentric CPPs / the system of rhizome-simulative CPPs – a conditionally dominant-peripheral modality; 2) the system of logocentric CPPs – the dominant modality; the system of rhizome-simulative CPPs is an intentionally present modality; 3) the system of logocentric CPPs is a conditionally “de-actualized” modality; the system of rhizome-simulative CPPs is the dominant modality; 4) the system of logocentric CPPs / the system of rhizome-simulative CPPs – a conditionally dominant-peripheral modality.

Keywords: cognitive-pragmatic program (CPP), modality of the state of culture, modernism, logocentrism, postmodernism, rhizome, metanarrative, “consciousness of culture”, “consciousness of the subject”, metasubjectivity

For citation: Ivanov, D.I. (2025) About culture “states” in the context of the cognitive-pragmatic programs theory (problem update). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 58. pp. 53–63. (In Russian). doi: 10.17223/22220836/58/6

Утверждая универсальный статус культуры, которая предстает перед нами как «сверхсистемный» [1], саморазвивающийся [2], полисемиотический, полидискурсивный [3], метадисциплинарный [4], когнитивно обусловленный [5] феномен, исследователи справедливо замечают, что процесс ее развития необходимо рассматривать как многомерную, принципиально нелинейную последовательность смены особых когнитивно-ментальных «конструктивно-деструктивных» («кульминационно-кризисных») «состояний». Заметим, что своеобразная двуполярность этих состояний во многом определена статико-динамической природой культуры [6], которая одновременно обеспечивает: а) концептуально-смысловую *целостность* (устойчивость, иерархичность – уровень «нормального» статико-системного развития) культуры; б) *внутреннюю парадоксально-деструктивную нестабильность* (децентрированность, хаотичность – уровень спонтанного сверхдинамического, асистемного развития); в) *интенционально-персонализированную конструктивную нестабильность*, направленную на «углубление в абсолютно личные истины каждого» [7. С. 354] – уровень «метасинтетического» развития. В современной философско-культурологической литературе эти когнитивно-ментальные «состояния» условно определяются так: а) *состояние 1*: «культура в состоянии „modern“»; б) *состояние 2*: «культура в состоянии „postmodern“» [8]; в) *состояние 3*: «культура в состоянии „metamodern“» [9].

Отметим, что все представленные состояния генетически связаны между собой. *Первое* состояние («modern») порождает *второе* («postmodern»). Так, «в культурологическом аспекте постмодернизм предстает прежде всего как понятие, позволяющее выделить новый период в развитии культуры. И связано его появление с возникновением потребности отражения в культуре новых форм общественной жизни и экономического порядка – общества потребления, театрализованной политики, масс-медиа и информатики (Ф. Джеймиссон)» [10. С. 268]. Однако необходимо понимать, что в действительности «постмодернизм сформировался не после теорий разумного устройства жизни, а в недрах модерна» [10. С. 268].

Третье состояние («metamodern») формируется на основе парадоксально-естественного синтеза первого и второго состояний. Формально оно зарождается после постмодернизма, но в действительности оно возникает в момент

«столкновения» поляризованных конструктивно-деструктивных состояний «modern» – «postmodern». Размышляя о природе метамодернизма, Люк Тёрнер отмечает: «Вместо ознаменования возврата к наивным идеологическим позициям модернизма метамодернизм провозглашает, что наше время находится в состоянии колебания между аспектами культур модернизма и постмодернизма. Мы рассматриваем манифест метамодернизма в качестве сочетания просвещенной наивности, прагматического идеализма, умеренного фанатизма и колебаний между иронией и искренностью, конструкцией и деконструкцией, апатией и влечением, пытаясь достичь состояния превосходства (трансцендентности), как будто бы оно находилось в пределах нашей власти. Поколение метамодернизма осознает, что мы можем быть ироничными и искренними одновременно; одно необязательно должно притеснять другое» [11].

Из этого следует, что все представленные состояния, отражающие и фиксирующие изменения в «сознании культуры», возникают не последовательно, а одновременно. При этом важно понимать, что общая модель их генетического взаимодействия строится на системе специфических соотношений. Так, «modern» выступает в качестве инвариантного состояния культуры. Состояние «postmodern» является производным от состояния «modern». Условно «postmodern» можно назвать производным состоянием первого уровня. Соответственно, состояние «metamodern» является производным к состояниям «modern» – «postmodern», т.е. получает статус производного состояния второго уровня.

В рамках данной работы мы рассмотрим только два состояния культуры «modern» – «postmodern», так как именно они, сливаясь в единое целое [10], концептуально-структурируют (организуют) «внутреннее» пространство культуры, обозначая в нем наличие формально противостоящих друг другу, но неразрывно связанных между собой интенциональных зон сознания культуры. Кроме того, актуализация именно этих состояний культуры обусловлена тем, что они, во-первых, формируют своеобразный функционально-прагматический диапазон моделирования современной культуры во всем многообразии ее форм. Во-вторых, определяют специфику проекционно-интерпретационных тактик креативно-аналитического восприятия культуры. В-третьих, они выступают в качестве генеративных когнитивно-ментальных конструкторов, на базе которых зарождаются метасинтетические «производные» «состояния» культуры («пост-постмодернизм», «метамодернизм»).

Итак, *прежде чем переходить к анализу «базовых» состояний культуры («modern» – «postmodern»), отметим, что разрабатываемая нами концепция не является универсальной, а представляет собой одну из версий современной интерпретативной теории культуры. Мы предполагаем, что логика последовательного перехода культуры из одного состояния в другое представляется сомнительной. На наш взгляд, здесь корректнее было бы говорить не о переходе культуры от одного состояния к другому, а о смене когнитивно-ментальной валентности каждой модальности состояния культуры. По нашему мнению, можно выделить три базовые формы «состояния культуры».*

Форма 1 – состояние культуры, в котором условно доминирующее положение занимает модернистская модальность бытия культуры, а постмодернистская модальность «растворена» в модернистской и существует в форме потенциально реализующейся когнитивно-ментальной интенциональности

(модернизм – доминирующая модальность; постмодернизм – интенционально присутствующая модальность).

Форма 2 – состояние культуры, в котором условно доминирующее положение занимает постмодернистская модальность бытия культуры. Модернистская модальность в данном случае становится, с одной стороны, базой функционирования постмодернистской модальности. С другой – основным объектом ее своеобразной «когнитивно-ментальной агрессии-игры», в форме которой постмодернистская модальность репрезентирует себя в пространстве культуры (модернизм – условно «деактуализированная» модальность (базовый конструкт деконструктивных действий / операций, объект «агрессивной игры»); постмодернизм – доминирующая модальность).

Форма 3 – состояние культуры, в котором ни одна из представленных модальностей не занимает доминирующего или периферического положения. Это «состояние» культуры условно можно назвать переходным. В нем в равной степени актуализированы и модернистская, и постмодернистская модальности, при этом когнитивно-ментальный статус каждой жестко не регламентирован. И та, и другая могут быть как условно периферическими, так и условно доминирующими (модернизм и постмодернизм – условно доминирующе-периферическая модальность).

Все эти «состояния» образуют единый, матричный, стадийно организованный цикл развития культуры. Представим максимально обобщенную модель этого цикла.

Стадия 1: модернизм и постмодернизм – условно доминирующе-периферическая модальность.

Стадия 2: модернизм – доминирующая модальность; постмодернизм – интенционально присутствующая модальность.

Стадия 3: модернизм – условно «деактуализированная» модальность; постмодернизм – доминирующая модальность.

Стадия 4: модернизм и постмодернизм – условно доминирующе-периферическая модальность.

Именно так, на наш взгляд, выглядит полный цикл развития культуры в контексте смены ее когнитивно-ментальных состояний.

Причем все многовековое развитие культуры как единый когнитивно обусловленный процесс, в рамках которого сама культура понимается как «система „индивидуальных“, „надындивидуальных“, „сверхиндивидуальных“ внутренних или внешних по отношению к человеческому мышлению референтных значений» [5. С. 29] или механизмов нереферентного означивания [12], представляет собой многократное повторение этого цикла в разных модификациях и вариантах. Важно, что границы представленных стадий-«состояний» нестабильны, проницаемы. Так, например, стадия-состояние «А» (1) может быть формой реализации (своеобразной формой) стадии-состояния «Б» (2) и наоборот, а стадии-состояния «А–Г» (1–4) могут синтезировать в себе стадии-состояния («Б» / «В») (2–3).

Здесь необходимо обратить внимание на то, что смена этих «состояний» (переход одного в другое, растворение одного в другом, нейтрализация – «поглощение» одним другого) и трансформация модальностей, образующих эти «состояния» (речь идет об изменении когнитивно-ментальной валентности), реализуются в рамках единой целостной системы («сознание культуры» –

«сознание субъекта»), актуализированной одновременно в двух ракурсах: *ракурс 1* – «сознание культуры в сознании субъекта»; *ракурс 2* – «сознание субъекта в сознании культуры». Оба эти ракурса образуются и функционируют в особой когнитивно обусловленной системе координат, имеющей три ключевых доминанты: а) *язык* (абстрактная система значений / система кодов); б) *культура* (система «сверхличностных» культурных значений / кодов); в) *личность* (система индивидуализированных (персонифицированных) значений / кодов). В рамках этой «системы координат» статус «сознания культуры» так же, как и статус «сознания субъекта», наделяется особым внутренним динамизмом. Оба эти конструкта могут быть как доминирующими (определяющими общее «состояние» культуры / статус той или иной культурной модальности), так и периферическими. Здесь, на наш взгляд, возможно два варианта «статусных диспозиций» представленных понятий.

Вариант 1. Если доминирующим компонентом является «сознание культуры», под которым мы понимаем «растворенную» в метанарративном [13] (условно статическом) уровне культуры систему образцово-эталонных субъектных интенциональностей, образующих единый образ «культурной метасубъектности», то культура находится в состоянии «modern». Это обусловлено тем, что доминирующая на данном этапе «культурная метасубъектность» предопределяет все интенционально-интерпретационные импульсы, исходящие от «внешней», пока еще «внекультурной» (точнее, не вписанной в культуру) «свободной субъектности» (реальный человек / сознание человека, только соприкасающегося с культурой / с ее сознанием – «культурной метасубъектностью»). Другими словами, «сознание культуры» предопределяет специфику когнитивно-ментальной активности «свободного субъекта», регламентируя его формы существования в культуре по принципам установленного в ней образца.

Вариант 2. Если доминирующим компонентом является «сознание субъекта», которое формально «освобождено» от «диктата» системы метанарративно-«универсализированных» моделей-образцов, определяющих конструктивно-гармонизированные формы бытия субъекта в культуре, то «свобода» эта позволяет последнему использовать как «корневой» (гносеологический [14]), так и «внекорневой» (паутинно-«ризоматический» [15]) принцип бытия в культуре. При реализации второго принципа метанарративная зона культуры утрачивает свою стабильность. Концептуально-смысловая и «культурно-сверхсубъектная» статика нейтрализуется, превращаясь даже не в регламентированную динамику метанарратива, а в спонтанную деструктивно-игровую «гипердинамику хаосмоса» [16], в пространстве которого иерархическая модель культуры превращается в перманентно саморазрушающуюся и самоконструирующуюся систему. В этом случае культура находится в стадии «postmodern».

Но не менее важно то, что происходит с «познающим субъектом». Попадая в «деструктивное царство свободы» (стадия-состояние культуры «postmodern»), которое институализировано лишь его «спонтанным желанием» [17. С. 169], он утрачивает способность не только познавать и создавать, но и адекватно идентифицировать объект («опустошенный метанарратив»), на который, как ему кажется, нацелено его внимание. Невозможность адекватной идентификации объекта внимания порождает невозможность идентифицировать самого себя. Он превращается в «человека с плеером», «растворен-

ного» в гуле обезличенных и обесмысленных осколков культуры. Он «погружен в уединенное жертвоприношение своей энергии, безразличный к любой катастрофе, поскольку не ожидает ничего, кроме саморазрушения, истощения энергии бесполезного тела, которое произойдет на его собственных глазах» [18. С. 106].

Однако здесь важно понимать, что в любом случае приоритет познающего субъекта над условно доминирующей позицией «культурной метасубъектности» является априорным. Это связано с тем, что интенциональные действия «сознания культуры», как правило, однонаправленны, а концептуально-смысловое содержание этих действий жестко регламентировано теми же принципами, которые обеспечивают ее гармонизированное функционирование в рамках стадии-состояния «modern». Изменение культуры аккумулируется в зоне «культурной метасубъектности», но ею непосредственно не производится. Действительно, изменения (трансформация) культуры – это, прежде всего, внутренний процесс, но «внутреннее» как источник этих изменений в данном контексте рассматривается как «внутреннее» «свободного» субъекта / органическая связь «внутреннего» сознания этого субъекта и «сознания культуры», а не как «внутреннее» «сознания культуры» самого по себе.

Перед нами возникает два вопроса: а) «что» является своеобразным когнитивно-ментальным механизмом, обеспечивающим бесперебойное конструктивно-деструктивное функционирование системы «А» («сознание культуры» – «сознание субъекта») в пространстве динамической когнитивно обусловленной системы «Б» (язык (абстрактная система значений / система кодов) – культура (система «сверхличностных» культурных значений / кодов) – личность (система индивидуализированных (персонифицированных) значений / кодов)?; б) «что» координирует качественные особенности перехода этих систем из одного «состояния» в другое с учетом трансформации валентности каждой отдельно взятой модальности («modern» – «postmodern»)?

На наш взгляд, таким сверхсистемным конструктом является когнитивно-прагматическая программа (КПП), которая, выступая в качестве когнитивно-ментальной связки между языком, сознанием, дискурсом и культурой, синтезирует в себе свойства «сознания субъекта» и «сознания культуры», раскрывая природу их внутреннего взаимодействия, основанного на диалектическом принципе единства и борьбы органически связанных между собой противоположностей. Особый эвристический потенциал теории КПП в рамках культурологических исследований обусловлен тем, что данная теория позволяет работать как на уровне частной аналитики (актуализация отдельного аспекта культуры), так и на уровне системного обобщения (рассмотрение фундаментальных процессов развития культуры). Дело в том, что КПП – «опорная система когнитивно-прагматических установок (КПУ) (целевых, самоидентификационных (ролевых), инструментальных, оценочно-аналитических), формирующаяся в пространстве когнитивного сознания отдельной личности / определенной социальной группы / нации / народа и выступающая в качестве концептуальной матрицы различной осмысленной деятельности, в том числе и текстовой» [19. С. 56]. Она может рассматриваться не только как отдельный (комплексный) компонент, функционирующий на конкретном уровне культуры, но и как «свернутая» модель всей культуры в целом.

Данное утверждение базируется на том, что «независимо от формы и статуса КПП, воплощенная в пространстве культуры, обладает единой (унифицированной) внутренней структурой. Она состоит из двух основных уровней: а) *категориально-семиотического* (уровень функционирования культурного кода (система метанарративных КПП); уровень функционирования когнитивно-ментального кода (система производных КПП); уровень функционирования синтетического программного кода (система национально-специфических КПП)); б) *функционально-коммуникативного* (уровень декодировки / перекодировки культурных элементов (кодов) разных типов)» [20. С. 179]. При этом сама культура в контексте теории КПП предстает перед нами как «иерархически организованная, динамическая, полисемиотическая, полидискурсивная система взаимообусловленных и неразрывно связанных между собой когнитивно-прагматических программ (КПП) разных типов (метанарративных; производных; национально-специфических), которые а) обеспечивают неразрывную связь «универсальной триады» *язык – культура – личность*; б) актуализируют представление о культуре как о поликодовой текстуально-информационной системе и мощном «генераторе структурности», основным источником которой является язык (многообразие знаковых систем) как универсальное средство выражения культурных смыслов» [20. С. 179].

Укажем, что одним из ключевых свойств КПП является ее когнитивно-ментальная «чувствительность», отражающая все внутренние трансформации «сознания субъекта» и «сознания культуры». Причем изменения эти фиксируются программой как на уровне «персонального» бытия каждого компонента, так и на уровне их взаимодействия в пространстве культуры (в системе КПП). На наш взгляд, именно эта способность к «сверхчувственному самовосприятию» лежит в основе понимания культуры-программы как «саморазвивающегося» феномена. Более того, такая внутренняя (когнитивно-ментальная) / внешняя (социальная) «сверхчувствительность» со временем превращается из «адаптационного» механизма в системный принцип функционирования всей программы культуры в целом. В результате на основе базовой (логоцентрической) версии программы, отражающей стадию-состояние развития культуры «modern», основные принципы которой обозначены в представленном выше определении культуры, формируется ризомно-симулятивная версия (вариант) данной программы (стадия-состояние культуры «postmodern»).

Исходя из этого, представленный выше цикл развития культуры превращается в нелинейную последовательность замещения логоцентрического варианта КПП, принцип работы которой Л.Н. Синельникова обозначает конструктивно-генерирующей формой глагола «быть» / «я есть» [15. С. 815], комплексом ризомно-симулятивных вариантов этой же программы. В целом принцип внутреннего взаимодействия этих программ можно определить так: от оригинала (метанарратива) – к системе «автоматизированных» копий; от «корня» (символ преемственности и концептуально-смысловой системности культуры) – к «грибнице-ризоме» (символ хаотичности, асистемности, «пограничной зоны» между тем, чего нет, и тем, что могло бы быть, но только кажется [21]). При этом *система копий* (ризомно-симулятивный вариант КПП) и функционирующий в ее пространстве «саморазрушающийся субъ-

ект» воспринимают программу-оригинал не как оригинал-источник, а как очередную копию, т.е. как обезличенно-спонтанную матрицу опустошенных значений, которые «не имеют отношения к какой бы то ни было реальности, являясь своим собственным симулякром в чистом виде» [22].

Итак, представим абстрактную «программную» модель циклического развития культуры.

Стадия 1: *система логоцентрических КПП / система ризомно-симулятивных КПП* – условно доминирующе-периферическая модальность.

Стадия 2: *система логоцентрических КПП* – доминирующая модальность – *система ризомно-симулятивных КПП* – интенционально присутствующая модальность.

Стадия 3: *система логоцентрических КПП* – условно «деактуализированная» модальность – *система ризомно-симулятивных КПП* – доминирующая модальность.

Стадия 4: *система логоцентрических КПП / система ризомно-симулятивных КПП* – условно доминирующе-периферическая модальность.

Подчеркнем, что процесс программного перехода от состояния «modern» (доминирующее положение занимает «познающий субъект», неразрывно связанный с «сознанием культуры» и функционирующий в системе КПП логоцентрического типа) к состоянию «postmodern» (доминирующее положение занимает «оторванный» от «сознания культуры» «саморазрушающийся субъект», функционирующий в системе КПП ризомно-симулятивного типа) нельзя рассматривать, ограничиваясь рамками формально-аксиологической логики: модернизм как «+», конструктивная фаза развития культуры / постмодернизм как «-», деструктивная фаза развития культуры. Дело в том, что внешне деструктивные симулятивно-ризоматические процессы, активизирующиеся в «сознании культуры» через систему программ-копий, во многом стимулируют внутреннюю динамику условно статического (метанарративного) уровня культуры. В результате внутренней «динамизации» в метанарративной системе культуры пробуждаются скрытые, ранее недоступные для интерпретации интенциональные возможности. Новый взгляд на «застывшие образцы» не разрушает их, так как они уже вписаны в «сознание культуры», но позволяет произвести их когнитивно-ментальную «перекомпоновку» / «перекодировку» и определить, какие из них на данном конкретном этапе исторического развития являются наиболее актуальными и продуктивными как для самой культуры, так и общества, которое является ее носителем / интерпретатором / источником.

Выводы. Разрабатываемая нами концепция не является универсальной, а представляет собой одну из версий современной интерпретативной теории культуры. В рамках нашей концепции корректно говорить не о последовательном переходе культуры от одного состояния к другому, а о смене когнитивно-ментальной валентности каждой модальности состояния культуры, воплощенного в рамках единого состояния «modern – postmodern». На наш взгляд, можно выделить три базовые формы «состояния культуры», различающиеся этой валентностью: 1) модернизм – доминирующая модальность, постмодернизм – интенционально присутствующая модальность; 2) обратная картина; 3) переходная (модернизм и постмодернизм – условно доминирующе-периферическая модальность), когда статус обеих модальностей жестко

не регламентирован. Соответственно, полный стадийный цикл развития культуры в контексте смены ее когнитивно-ментальных состояний таков: 1) модернизм и постмодернизм – условно доминирующе-периферическая модальность; 2) модернизм – доминирующая модальность; постмодернизм – интенционально присутствующая модальность; 3) модернизм – условно «деактуализированная» модальность; постмодернизм – доминирующая модальность; 4) модернизм и постмодернизм – условно доминирующе-периферическая модальность.

Смена этих «состояний» культуры и трансформация образующих их модальностей реализуется в рамках единой целостной системы («сознание культуры» – «сознание субъекта»), актуализированной одновременно в двух ракурсах: 1) «сознание культуры в сознании субъекта»; 2) «сознание субъекта в сознании культуры». Оба эти ракурса функционируют в когнитивно обусловленной системе координат, имеющей три ключевых доминанты: а) *язык* (абстрактная система значений / система кодов); б) *культура* (система «сверхличностных» культурных значений / кодов); в) *личность* (система индивидуализированных (персонифицированных) значений / кодов). В рамках этой системы координат возможны два варианта «статусных диспозиций»: 1) если доминирующим компонентом является «сознание культуры» (система образцово-эталонных субъектных интенциональностей, образующих единый образ «культурной метасубъектности»), то культура находится в состоянии «modern»; 2) если доминирующим компонентом является «сознание субъекта», которое формально «освобождено» от «диктата» системы метанарративно-«универсализированных» моделей-образцов, то метанарративная зона культуры утрачивает свою стабильность; возникает перманентно саморазрушающаяся и самоконструирующаяся система (состояние «postmodern»).

Когнитивно-ментальным механизмом, обеспечивающим бесперебойное «конструктивно-деструктивное» функционирование и координацию качественных особенностей перехода систем из одного «состояния» в другое, является КПП, синтезирующая в себе свойства «сознания субъекта» и «сознания культуры» и раскрывающая природу их внутреннего взаимодействия. В ракурсе КПП стадийная модель циклического развития культуры приобретает следующий вид: 1) система логоцентрических КПП / система ризомно-симулятивных КПП – условно доминирующе-периферическая модальность; 2) система логоцентрических КПП – доминирующая модальность; система ризомно-симулятивных КПП – интенционально присутствующая модальность; 3) система логоцентрических КПП – условно «деактуализированная» модальность; система ризомно-симулятивных КПП – доминирующая модальность; 4) система логоцентрических КПП / система ризомно-симулятивных КПП – условно доминирующе-периферическая модальность.

Список источников

1. Каган М.С. Введение в культурологию : Курс лекций. СПб., 2003. 167 с.
2. Уайт Л.А. Избранное: Наука о культуре. М. : РОССПЭН, 2004. 960 с.
3. Чернышева А.В. Понятие культуры в структурно-семиотической концепции Ю.М. Лотмана // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5 (11). С. 184–187.
4. Иванов Д.И., Лакербай Д.Л. Антропоцентрическая парадигма современного гуманитарного знания: метадисциплинарный «дом теорий» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 58. С. 168–195.

5. Коваленко Е.М. Культура как когнитивная система // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 3. С. 28–32.
6. Демин И.О. Статика и динамика культуры // Аналитика культурологии. 2012. № 23. С. 12–15.
7. Вермюлен Т. Глубина метамодерна, или «Глубиноподобие» // Аккер Р. ван ден, Гиббонс А., Вермюлен Т. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма. М.: РИПОЛ классик, 2020. С. 349–355.
8. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
9. Павлов А. Метамодернизм: критическое введение // Аккер Р. ван ден, Гиббонс А., Вермюлен Т. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма. М.: РИПОЛ классик, 2020. С. 7–32.
10. Горбунова Л.И. Постмодерн как тенденция развития культуры XX века // Вестник МГТУ. 2011. № 2. С. 265–271.
11. Тернер Л. Метамодернизм: краткое введение. 2015. URL: Метамодернизм: Краткое введение (metamodernizm.ru) (дата обращения: 11.09.23).
12. Федотова М.Г. Понятие «Означивание» в семиотических теориях Ф. Де Соссюра и Ч.С. Пирса // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 417–421.
13. Волков В.Н. Постмодерн: недоверие к метанарративам // Культурное наследие России. 2015. № 2. С. 3–11.
14. Лавлинский С.Г. Три основных формата истолкования сущности культуры // Аналитика культурологии. 2009. № 14. С. 171–175.
15. Синельникова Л.Н. Ризома и дискурс интермедальности // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2017. № 4. С. 805–821.
16. Корякина А.П. Проблема подлинности в контексте философии постмодернизма: ветвление подлинного в хаосмосе // Вестник ВятГУ. 2016. № 8. С. 9–13.
17. Дьяков А.В. Феликс Гваттари: Шизоанализ и производство субъективности. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006. 246 с.
18. Бодрийяр Ж. Америка. СПб., 2000. 203 с.
19. Иванов Д.И. Теория когнитивно-прагматических программ. Иваново: ПресСто, 2019. 312 с.
20. Иванов Д.И. Культура как система когнитивно-прагматических программ: краткий теоретический очерк. // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 174–185.
21. Свирский Я.И. «Сложностное мышление» в контексте философских стратегий Ж. Делёза и Ф. Гваттари // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. № 1. 2012. С. 37–44.
22. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Изд. дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.

References

1. Kagan, M.S. (2003) *Vvedenie v kul'turologiyu* [Introduction to Cultural Studies]. St. Petersburg: Yurayt.
2. White, L.A. (2004) *Izbrannoe: Nauka o kul'ture* [Selected Works: Science of Culture]. Moscow: ROSSPEN.
3. Chernysheva, A.V. (2011) Ponyatie kul'tury v strukturno-semioticheskoy kontseptsii Yu.M. Lotmana [The concept of culture in Yu.M. Lotman's structural and semiotic concept]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 5(11). pp. 184–187.
4. Ivanov, D.I. & Lakerbay D.L. (2019) The anthropocentric paradigm of modern Liberal Arts: A meta-disciplinary “House of Knowledge”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 58. pp. 168–195. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/58/11
5. Kovalenko E.M. (2011) Kul'tura kak kognitivnaya sistema [Culture as a cognitive system]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 3. pp. 28–32.
6. Demin, I.O. (2012) Statika i dinamika kul'tury [Statics and dynamics of culture]. *Analysis of cultural studies*. 23. pp. 12–15.
7. Vermeulen, T. (2020) Glubina metamoderna, ili “Glubinopodobie” [The depth of metamodernity, or “Depth-likeness”]. In: Akker, R. van den, Gibbons, A. & Vermeulen, T. *Metamodernizm. Istorichnost', Affekt i Glubina posle postmodernizma* [Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after Postmodernism]. Moscow: RIPOL klassik. pp. 349–355.

8. Lyotard, J.F. (1998) *Sostoyanie postmoderna* [The State of Postmodernity]. Translated from French. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteyya.
9. Pavlov, A. (2020) Metamodernizm: kriticheskoe vvedenie [Metamodernism: a critical introduction]. In: Akker, R. van den, Gibbons, A. & Vermeulen, T. *Metamodernizm. Istorichnost', Affekt i Glubina posle postmodernizma* [Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after Postmodernism]. Moscow: RIPOL klassik. pp. 7–32.
10. Gorbunova, L.I. (2011) Postmodern kak tendentsiya razvitiya kul'tury XX veka [Postmodernity as a trend in the development of culture of the 20th century]. *Vestnik MGTU*. 2. pp. 265–271.
11. Turner, L. (2015) *Metamodernizm: kratkoe vvedenie* [Metamodernism: A Brief Introduction]. [Online] Available from: Metamodernism: A Brief Introduction (metamodernizm.ru) (Accessed: 11th September 2023).
12. Fedotova, M.G. (2012) Ponyatie “Oznachivanie” v semioticheskikh teoriyakh F. De Sossyura i Ch.S. Pirsy [The concept of “Signification” in the semiotic theories of F. De Saussure and C.S. Pierce]. *Izvestiya PGU im. V.G. Belinskogo*. 27. pp. 417–421.
13. Volkov, V.N. (2015) Postmodern: nedoverie k metanarrativam [Postmodern: Distrust of metanarratives]. *Kul'turnoe nasledie Rossii*. 2. pp. 3–11.
14. Lavlinskiy, S.G. (2009) Tri osnovnykh formata istolkovaniya sushchnosti kul'tury [Three main formats for interpreting the essence of culture]. *Analitika kul'turologii*. 14. pp. 171–175.
15. Sinelnikova, L.N. (2017) Rizoma i diskurs intermedial'nosti [Rhizome and discourse of intermediality]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika*. 4. pp. 805–821.
16. Koryakina, A.P. (2016) Problema podlinnosti v kontekste filosofii postmodernizma: vetvlenie podlinnogo v kaosmose [The problem of authenticity in the context of the philosophy of postmodernism: The branching of the authentic in chaosmos]. *Vestnik VyatGU*. 8. pp. 9–13.
17. Dyakov, A.V. (2006) *Feliks Gvattari: Shizoanaliz i proizvodstvo sub'ektivnosti* [Felix Guattari: Schizoanalysis and the production of subjectivity]. Kursk: Kursk State University.
18. Baudrillard, J. (2000) *Amerika* [America]. St. Petersburg: [s.n.].
19. Ivanov, D.I. (2019) *Teoriya kognitivno-pragmaticheskikh programm* [Theory of Cognitive-Pragmatic Programs]. Ivanovo: PresSto.
20. Ivanov, D.I. (2022) Kul'tura kak sistema kognitivno-pragmaticheskikh programm: kratkiy teoreticheskii ocherk [Culture as a system of cognitive-pragmatic programs: a brief theoretical essay]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 3. pp. 174–185.
21. Svirskiy, Ya.I. (2012) “Slozhnostnoe myshlenie” v kontekste filosofskikh strategiy Zh. Deleza i F. Gvattari [“Complex thinking” in the context of the philosophical strategies of J. Deleuze and F. Guattari]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya*. 1. pp. 37–44.
22. Baudrillard, J. (2015) *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and Simulations]. Translated from French. Moscow: POSTUM.

Сведения об авторе:

Иванов Д.И. – кандидат филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Сианьского нефтяного университета (Сиань, Китай). E-mail: Ivan610@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ivanov D.I. – Ph.D. in Philology, associate professor, professor of the Institute of Foreign Languages, Xi'an Shiyou University (Xi'an, China). E-mail: Ivan610@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.06.2023;
одобрена после рецензирования 04.10.2023; принята к публикации 15.05.2025.
The article was submitted 16.06.2023;
approved after reviewing 04.10.2023; accepted for publication 15.05.2025.